

УДК 821.511.111

ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВАЛЬНОГО КОНТЕКСТА В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ КАРЕЛИИ

М. В. Казакова

Петрозаводский государственный университет

Анализируются тематические особенности билингвальной лирики национальных карельских поэтов О. Мишина – А. Хийри (поэта-ингерманландца, пишущего на русском и финском языках), А. Волкова (поэта-карела, пишущего на русском языке и ливвиковском наречии карельского языка), Н. Абрамова (поэта-вепса, пишущего на русском и вепском языках). Творческий путь они начинают на русском языке, как языке с более развитой структурой, имеющем длительную литературную традицию и обладающем большими возможностями для реализации творческих замыслов, а затем переходят к творчеству на родном национальном языке, осознав собственную национальную идентичность и долг перед своим народом и своими предками в сохранении и развитии национальной культуры. Создание самостоятельных произведений на двух языках требует от писателей и поэтов хорошего владения родным национальным языком, знания культуры и традиций своего народа. Русский же язык является для них некой исходной точкой, на которую национальные поэты и писатели имеют возможность опереться для достижения художественного мастерства. На каком языке они бы ни писали – на русском или родном национальном – они говорят о родном крае, о своем народе, о проблемах сохранения национальной культуры и языка, о родной природе, любовь к которой впитали с молоком матери. Сохранить и приумножить богатства родного края, культуры и языка, передать этот клад будущему поколению – основные темы билингвального творчества национальных поэтов Карелии.

Ключевые слова: художественный билингвизм; национальный поэт Карелии; национальный язык; национальная идентичность; Олег Мишин – Армас Хийри; А. Волков; Н. Абрамов.

M. V. Kazakova. BILINGUAL TEXT'S FEATURES IN THE HISTORY OF KARELIAN LITERATURE

This article analyses typical themes and features of bilingual lyric poetry of national Karelian poets O. Mishin – A. Hiiri (ethnic Ingrian Finn, who writes verses in the Finnish and Russian languages), A. Volkov (ethnic Karelian, who writes verses in the Livvi dialect of Karelian and Russian languages), N. Abramov (ethnic Vepsian, who writes verses in the Veps and Russian languages). These national poets began their creative development using the Russian language because it has a more developed structure, a longer literary tradition and more potential and resources for realizing their creative ideas as well. Later on, having acknowledged their national identity and duty to the nation and ancestors to reserve and develop the national culture, they turned to their national mother tongue. When creating an original work in more than one language national authors and poets are expected to be fluent in their national mother tongue, know the culture and traditions of their nation. National poets and authors view the Russian language as a certain point of

reference for achieving artistic maturity. Whatever language they use – Russian or their national mother tongue – they write about their native land and nation, about preserving national culture and language, and about their nature love for which is bred in the bone. Preserving and increasing the great riches of their native land, culture and language, and passing this treasure on to the next generation – these are the typical themes of bilingual works of national Karelian poets.

Key words: Artistic bilingualism; national Karelian poet; national language; national identity; Oleg Mishin – Armas Hiiri; A. Volkov; N. Abramov.

Как писать историю литературы? Этот вопрос стоит перед филологами в полемических статьях, в рецензиях и предложенных ими версиях истории литературы определенного народа (народов). Для любой дискуссии характерно наличие прямо противоположных точек зрения. Например, нарратолог Вольф Шмидт полагает: «Любая история литературы – нарратив, руководимый, как и все нарративы, субъективной точкой зрения. Объективные истории литературы так же невозможны, как и объективные истории политических происшествий» [Шмидт, 2012. С. 164]. В то же время исследователь находит, что «субъективные» истории литературы имеют право на существование, и предлагает свои подходы к ее интерпретации. Авторы рецензии на первый том «Истории литературы Урала», напротив, полны оптимизма. Исполненные интереса к рецензируемому исследованию, они характеризуют его как «первый опыт создания академической истории литературы отдельного региона» [Абашев, Абашева, 2014. С. 369], что не соответствует истине. В Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН еще в 2002 году были изданы «История русской поэзии и драматургии Европейского Севера первой половины XX века» и «История русской прозы Европейского Севера первой половины XX века» [Дюжев, 2002а, б]. В 2008 году издание было продолжено в монографии «История русской прозы Европейского Севера второй половины XX века в двух томах» [Дюжев, 2008].

Приоритет, как видим, принадлежит отнюдь не уральским специалистам, но нельзя не согласиться, что их диапазон шире: они рассмотрели литературу Урала как «региональное единство трех национальных блоков – тюркского, русского и финно-угорского» [История..., 2012. С. 32]. На Европейском Севере России региональное единство национальных блоков – русского и финно-угорского – пока рассмотрено в локальных историях литературы Карелии. Что касается русской и саамской литературы Мурманской области, то этот национальный блок предметом академического анализа еще не стал.

История литературы Карелии уже насчитывает три версии: 1954, 1969, 1994–1997–2000 годов. Последнюю отличает не только анализ произведений советской эпохи, что было главным в предшествующих трудах, но и характеристика письменной традиции, бытовавшей на данной территории, начиная с XII века, а также фундаментальное исследование карельского и ингерманландского фольклора, литературно-фольклорного памятника «Калевала» и безусловное напоминание о том, чем являлись для русской культуры записанные в Олонецкой губернии эпические творения и севернорусские причитания [Карху, 1994; Алто, 1997, 2000].

Новым также стал раздел «Опыт билингвизма в творчестве карельских писателей». Поскольку это действительно был первый опыт подобного рода, то в данный контекст наряду с творчеством писателей, работавших на двух языках (О. Мишина – А. Хийри, Р. Такала, П. Лукина, А. Волкова, О. Мишиной, В. Вейкки), включено творчество литераторов, писавших только на русском языке, но при этом ярко продемонстрировавших свою национальную идентичность (Э. Кононов, Т. Вякя) или попытавшихся вспомнить свои финно-угорские корни (Эд. Алто, А. Пуйкконен, Р. Мустонен).

Несмотря на противоречивую позицию исследователей, они тем не менее заявили о необходимости введения в историю литературы России, помимо русского и иноязычного контекстов, третьего – билингвального [Опыт..., 2000. С. 361–388]; последний и является предметом анализа в настоящей статье.

Напомним, что художественный билингвизм как процесс создания произведений на двух языках довольно распространенное явление во всем мире. Россия всегда была, есть и будет многонациональной страной, многие граждане которой говорят не только на русском, но и на своем родном языке. Учитывая эти обстоятельства, принято говорить о проблеме национально-русского билингвизма в России.

В исследованиях, посвященных художественному билингвизму, речь чаще всего идет об

обращении писателей-билингвов к русскому языку как к языку, на котором им проще выражать свои творческие замыслы. Г. Гачев пишет, что «писатели в своем родном языке не имеют такой развитой системы, и потому родной язык их сковывает» [Гачев, 1988. С. 145].

Что касается Республики Карелия, которая в силу своей территориальной, исторической и культурной специфики всегда была многонациональной (на этой земле испокон веков проживают вепсы, карелы, финны и русские), то здесь мы наблюдаем несколько иной процесс. Некоторые национальные писатели, начиная творческий путь как русскоязычные (ингерманландец О. Мишин – А. Хийри, карел А. Волков, вепс Н. Абрамов), постепенно обращаются к родным языкам и продолжают свое творчество уже как писатели-билингвы, создавая самостоятельные произведения как на русском, так и на своем родном языке.

Пальма первенства принадлежит Армасу Иосифовичу Мишину (1935 г. р.), подписывающему свои произведения на русском языке именем Олег Мишин, на финском – Армас Хийри.

В годы Великой Отечественной войны финское население Ленинградской области (той части, что именовалась Ингерманландией) эвакуировалось в Сибирь, откуда им было запрещено возвращаться на родную землю. Так финн-ингерманландец по рождению после войны оказался в маленьком карельском городке Пудоже, где в основном проживают русские. Неудивительно, что родной язык стал забываться, поэтому первые поэтические книги Мишина были написаны на русском языке.

Однако, войдя в круг писателей Карелии, молодой литератор сблизился с карельскими поэтами Т. Сумманеном, выходцем из семьи красных финнов, и Я. Ругоевым, чьей родиной была калевальская земля. И финн, и карел писали на финском языке. Хотя с 1956 года финский язык перестал функционировать в Карелии как государственный, тем не менее в литературной среде его статус был достаточно высок. Мишину было у кого поучиться. В 1976 году у него, автора стихотворных сборников на русском языке, выходит в свет первая книга на финском «Ikkunani katsoo maailmaan» («Мои окна смотрят в мир»), подписанная именем Armas Hiiri.

Хотя Александр Лукич Волков (1928 г. р.) на семь лет старше, его первая книга стихов на русском языке вышла только в 1993 году. Своему поэтическому рождению он обязан волне национального возрождения второй половины 1980–1990-х годов. Именно в это время создаются учебники на трех диалектах карельского

и вепского языков. На родном диалекте – ливвиковском – уже писал Владимир Брендоев (1931–1990), о котором шутя говорили, что он стал писать на карельском, не зная, что такого языка не существует. Тем не менее начало было положено, в 1997 году выходит книга стихов на карельском языке и у Волкова.

Николай Викторович Абрамов (1961 г. р.) свою первую книгу на вепском языке «Koumekümne koume» («Тридцать три») издал в 1994 году; она стала первой и в зарождающейся вепской литературе. Само название весьма показательно. Хотя автор в своих интервью отрецивается от параллелей с образом Христа, тем не менее его ощущение зачинателя, первотворца литературного языка стихи передают. Что касается предшествовавших этой книге стихов на русском языке, то они публиковались в периодической печати и коллективных сборниках. Переход на родной язык Абрамову дался нелегко. «Будучи двуязычным, он поначалу думал по-русски, но писал на вепском языке. Когда он стал мыслить образами родного языка, его стихи приобрели подлинно народное звучание» [Зайцева, 2000. С. 425].

Таким образом, на территории Республики Карелия в последние десятилетия наблюдается следующий процесс: писатели-билингвы, начинающие свой творческий путь на русском языке, как языке с более развитой структурой и имеющем длительную литературную традицию, а также обладающем большими возможностями для реализации творческих замыслов, переходят к творчеству на родном национальном языке, осознав свою национальную идентичность и долг перед своим народом и своими предками в сохранении и развитии своей национальной культуры.

Используя два языка в своем творчестве, писатели аккумулируют опыт двух культур, тем самым обогащая свое творчество и расширяя границы самовыражения.

На каком бы языке поэты ни писали (на родном или русском), для их творчества характерна национальная специфика. Являясь частью культуры своего народа, они стремятся раскрыть и познать его национальные основы, его культуру, тем самым донести до окружающего мира идею национальной уникальности, воздать дань своему народу, своим предкам, не дать им раствориться среди народа-доминанта.

Литература Карелии функционирует на четырех языках: на русском и на трех прибалтийско-финских: финском, карельском и вепском. И, как мы сказали, есть писатели, работающие в двух контекстах, русском и финно-угорском.

Последний контекст как единое целое в «Истории литературы Карелии» также не был рассмотрен; когда проект только задумывался, никто не предполагал, что появятся книги на карельском и вепсском языках, поэтому творчество В. Е. Брендоева, карела-ливвика, и М. Пахомова, карела-людика, воспринималось как исключение и было бегло рассмотрено в контексте финноязычной литературы [Алто, 1997. С. 170–171].

Если бы исследование вышло сразу по его завершении (все три тома утверждены к печати в 1992 году), то не было бы в третьем томе ни раздела «Опыт билингвизма в творчестве карельских писателей», ни раздела «Вепсская литература». Несмотря на усилия ответственного редактора, исполнителя раздела «Литература на карельском языке» найти не удалось.

Литературу на финском и новописьменных карельском и вепсском языках попытался представить в качестве единого финно-угорского контекста Э. Г. Карху, написавший «Послесловие к “Истории литературы Карелии” в 3-х томах» [Карху, 2000. С. 433–444].

В данной статье из этого контекста мы выделим творчество трех ведущих поэтов-билингвов и попытаемся показать, какие темы, мотивы и образы являются общими для их финно-угорских и русских произведений. Это будет предварительным этапом исследования билингвального контекста в литературе Карелии.

Прежде чем перейти к конкретному анализу лирики трех поэтов, оговорим: если речь идет о русских стихах А. И. Мишина, то пишем его русское имя «О. Мишин», если о финских – пишем «А. Хийри» и приводим стихи на двух языках: финском и в переводе на русский. Стихи на карельском и вепсском А. Волкова и Н. Абрамова соответственно цитируем в оригинале и в переводе с указанием имени переводчика.

В настоящей статье для анализа были выбраны следующие сборники 1990–2000-х годов: А. Волков «Вечный огонь» = «Iguine tuli», Н. Абрамов «Поговорим, брат» = «Pagiškam, ve!l », О. Мишин – А. Хийри «Песнь ингерманландца» («Inkeriläisen laulu»), «Сквозь ливни и метели», «Рябиновая Родина» («Pihlajainen kotimaa»). Кроме того, мы нашли возможным использовать в статье некоторые стихи О. Мишина – А. Хийри из сборников 1970-х годов.

Переживание за судьбу своего народа, своей малой родины, языка и культуры обуславливает и тематическую направленность билингвального творчества поэтов. Все они когда-то покинули отчий дом, свои родные села, разлучились со своими «корнями». Разными были причины, которые побудили их к этому,

по-разному сложились их судьбы на чужбине, но сближает и объединяет всех их безграничная любовь к своему родному краю, к своей малой родине.

С болью говорят поэты о покинутых деревнях, разрушенных и обветшалых селах, о том, что человек постепенно отдаляется от своих корней, от гармоничного сосуществования с природой.

Omua muadu et voi löydiä tostu,
Eigo sidä vaihtua toizeh sua,
Omua muadu ei sua dengah ostua,
Kuynälien kel sanot: »Oma mua».

[Волков, 2000. С. 26–27]

Нет на свете с Родиной сравненья,
Нет на свете Родины милей,
«Родина!» – не скажешь без волненья,
И нет тоски по Родине большей.

[авторизованный перевод А. Волкова]

Если в произведениях А. Волкова беспокойство за судьбу родины связано с надеждой на ее возрождение, как, например, в стихотворении «Iguine tuli» («Вечный огонь»): «Hakatut mečiköt kazvetah yläh, / Čometah uvvessah hävinnyöt kylät, / N’opatah jogiloi puhtahat järvet» («Вижу: опять деревеньки добреют, / Залежи, пустоши – пашней чернеют, / Ввысь поднимаются снова леса, / В реках, озерах – вода, как роса») [авторизованный перевод А. Волкова], то у Мишина возвращение «в родные отцовские дали» уже невозможно, и это накладывает трагический отпечаток на тему малой родины в его творчестве. Его родина везде и нигде, но самое главное, что пытается донести до нас поэт, – это то, что свою малую родину он не утратил, она всегда с ним – в воспоминаниях детства, в запахе травы, в величии деревьев, в раскатах весенней грозы. «Inkeri on minussa ja sinussa» («Ингерманландия во мне и в тебе»), восклицает лирический герой, и пока мы живы и помним о ней, она будет жить в наших сердцах, несмотря на свою трагическую судьбу и трагическую судьбу ее народа, который «разметали по миру».

Мысли прежние, мысли грустные.
Все ль ты помнишь, мой край-горюн?..
[Hiiri, 1995. С. 117]

Так пишет поэт в своих русских стихах. Сквозь грусть и тоску о потерянном отчем доме, о безвозвратно утраченном родном селе у А. Хийри появляются жизнерадостные строки о других, не менее любимых краях, где

лирический герой, хотя и не в полной мере, смог восполнить утрату родного села, родного края, своей малой родины.

Petrozavodsk! Kuin kannel, laulu kaikuu.
Elämän läpi rakkautemme soi.
Petrozavodsk! Sen sinä muistat kaiken,
läti meidän, Petroskoi.

[Hiiri, 2008. С. 27]

Петрозаводск! Песня раздается,
как кантеле.
Наша любовь звучит всю жизнь.
Петрозаводск! Ты все это помнишь,
Наш навеки, Петрозаводск.

С темой утраченной родины связана и тема утраты родного языка, которая встречается в билингвальном творчестве поэта. Лирическому герою не дает покоя мысль, что он позволил себе забыть «язык отцовский», что лишь отдельные слова («мама, папа, хлеб, солнце, земля») остались в его памяти.

Уважение и любовь к своему народу побудили Мишина, по сути, заново выучить родной финский язык и продолжить свой поэтический путь уже как поэт-билингв. Финский язык стал для него неким связующим звеном, ниточкой, протянувшейся от настоящего к прошлому, соединившей его со своими корнями, со своим народом. Об этом он пишет в стихах не только на финском, но и на русском языке.

Неважно где – далеко или близко –
Сегодня от меня мой край родной,
Отечество мое – язык мой финский,
И значит, родина всегда со мной.

[Мишин, 2004. С. 205]

Вторят Мишину и строки, посвященные родному карельскому языку, поэта-карела А. Волкова. Для него карельский язык – «это ангел-хранитель / Нашей Родины, наших имен», который дарован нам «от природы, от Бога» и является духовным наследием наших предков.

У Николая Абрамова, чье детство прошло в деревне Ладва Ленинградской области, родина – это прежде всего светлое воспоминание о детстве, о матери, о родном крае, где «с детства все знакомо, / что пуще жизни берегут, / что величают отчим домом, / и то, что Родиной зовут!» [Абрамов, 2005. С. 72]. В этих воспоминаниях лирический герой его стихов черпает силу для борьбы с обыденностью и пустотой повседневной жизни. Его «вольное сердце» стремится обратно «в родимые веси», подальше от серого города, где «ни земли, ни неба». Лирического героя стихов Н. Абрамова волнует и пугает неотвратимое наступление города на

село, его всеразрушающая бездуховность, которая способна поглотить то небольшое настоящее, что еще осталось, – культурное наследие его предков, которое с каждым днем все сложнее сохранить и тем более – передать своим детям и внукам.

Но вслед за сгоревшим,
безжалостным веком,
Все больше мне хочется
быть – человеком.
[Абрамов, 2005. С. 73]

Музыка его родины – это «мычание коров», «юности вешние воды», «шум листвы», «звон ручья». Природа родного края со своей чистотой и гармоничностью выступает в лирике Н. Абрамова как укор цивилизованному городскому миру, оторванному от своей духовной основы. Природа восполняет потерянное равновесие, внутреннюю гармонию, баланс хорошего и плохого в надорванной душе лирического героя.

Даже если весь мир изменить
никому не дано,
Были в нем, только в нем – красота,
и любовь, и вино...
И как будто на горной реке вдруг
сломаеть весло,
Только сам ты решаешь – добро
выбирать или зло.
[Абрамов, 2005. С. 88]

Э. Л. Алто пишет, что «для современной поэзии Карелии, в том числе финноязычной, отношение к природе как к миру возвышенного, идеального, достойного подражания стало традиционным. В русле этой традиции пишет и Мишин» [Алто, 1997. С. 164].

В билингвальной лирике О. Мишина – А. Хийри взаимоотношения природы и человека раскрываются во всем возможном многообразии. Здесь человек – это и восхищенный созерцатель природы: «Порою летней каждый день, / меня в пути встречая, / она мне дарит плеск и звень / и клич гортанных чаек» [Мишин, 2004. С. 162]; это и трогательный ее заступник, воспринимающий природу как своего близкого друга, например, в стихотворении «Synkeän metsän takana» («За мрачным лесом»): «Kukaties mutkia elämäni / metsäkin ajatteli. / Se kun nyt huokaa vierelläni / kuin ystävä taikka veli» («Кто знает о поворотах в моей жизни / думает лес. / Он сейчас вздыхает рядом со мной / как друг или брат»); это и безразличный обыватель, живущий одним днем и жаждущий безгранично пользоваться ее дарами: «Я забита щепой и корой. / Я теку чертыхаясь. / Что вы, люди, творите со мной? / Я, река, задыхаюсь» [Там же. С. 310].

Мишин всем своим творчеством стремится достучаться до современного человека, пробудить в нем ответственность за свои поступки перед природой, перед будущими поколениями, перед тем миром, который достанется им в наследство.

Рьяным защитником родной природы, ее звонкоголосым певцом является и поэт-кареел А. Волков. Размышляя «о нравственном потенциале человека, он ставит ему в пример карельское озеро, которое сохраняет свою чистоту и красоту, радуется человека своей незамутненной первозданностью. Таким, по мнению поэта, и должен быть современник – чистым в помыслах, в служении вечным идеалам и чаяниям народа» [Чикина, 2011. С. 40–41].

Kai on vahnu, kai on uuzi,
Kai täs nagrau, rapou mukki.
Igiä vahnemat on kivet,
Allon nopiteltut, nuoltut,
Mustellah net aijat kibiet,
Suat da tuhandet kos kuoltih.
[Волков, 2000. С. 20–21]

Все неподдельно, вплоть до смеха,
Все первозданно и все – ново.
Седой валунник старше века,
Весь исцелованный волной,
Лихие судьбы человека
Его минули стороной.
[авторизованный перевод А. Волкова]

Другим часто повторяющимся символом родной природы в поэзии А. Волкова является звездное небо. Образ звезды в его творчестве – это и образ далекой любимой родины, куда всей душой стремится лирический герой его стихов: «Моя милая, бедная юность / Мне приснилась далекой звездой ...» [Волков, 2000. С. 72]; это и образ далекого, пока еще непредсказуемого будущего со своими надеждами и сомнениями: «Где Бог миллиарды звезд рассеял, / Через космическую тьму / Слова мои: «Москва», «Россия» – / Узнают братья по уму» [Там же. С. 77]; это и путеводная звезда, указывающая путь в жизни: «За это – молитва Богу, / Чтоб я не ушел в никуда, / Пока мне везет немного, / Пока над тропею звезда» [Там же. С. 86].

Образы озер и звезд, являющиеся символами малой родины, родительского дома, также характерны и для двуязычного творчества О. Мишина – А. Хийри. Но для него образ родины в большей степени связан с образом рябины – «святого дерева земли». Для Мишина святость воспоминаний об утраченной некогда родине – неоспорима. Эти красные ягоды

рябины – как огоньки, освещающие весь жизненный, да и творческий путь поэта.

Что здесь отыщу, за горами-отрогами,
На этих когда-то чужих берегах,
Святые рябины утраченной родины
И песни кукушек в березняках.

[Мишин, 2004. С. 206]

Любовью к родному дому, родному краю, близкому другу, природе, любовью к женщине наполнены стихи Мишина. Свою любовь он сравнивает с двумя соснами, которые «живут одной землей, одною высью». И если их разлучить, то «не выдержат их корни, оборвутся, и упадут они, и разобьются» [Мишин, 1978. С. 73].

Любовная лирика громко заявила о себе и в творчестве Н. Абрамова. Любовь к женщине так же, как и любовь к родине, помогает лирическому герою не потерять себя в этом мире, который у Абрамова безжалостен и безумен, возвращает «надежду и веру» в будущее.

Kuti keväs'kurged – sinun vaihed,
Kuti manzikaine – sinun muhu.
Saubas ukсед, korktad oma seinäd,
Sindai varastada – eile enamb väged.
[Абрамов, 2005. С. 10]

Губы твои – земляничная россыпь,
Голос твой – в небе весенний журавль.
Плачет душа, но чиста, как слеза...
Кто мое сердце возьмет на поруки?
[авторизованный перевод Н. Абрамова]

Любовь поэта – возвышенное, всепоглощающее, неистовое чувство; его любимая женщина – «ангел-хранитель», сошедший с небес «в безжалостный мир, на безумную, грустную землю». Благодаря любимой лирический герой начинает видеть окружающий его мир сквозь призму своего чувства, пытается отыскать в нем светлые краски.

В Карелии на сегодняшний день писателей и поэтов, пишущих на русском и родном национальном языке, не так уж и много. Хотя наличие трех поэтов-билингвов (а их в Карелии больше) говорит о том, что билингвальный контекст в литературе Карелии – это реалии сегодняшнего дня, которые необходимо изучать.

Русский язык имеет богатую литературную традицию. Большинство национальных писателей и поэтов Карелии, владеющих русским и родным национальным языком, выбирают русский язык как язык поэтического творчества на первоначальном этапе своего творческого становления, и позже, когда им удастся достигнуть определенного художественного мастерства, они начинают писать на своих родных

национальных языках, осознав долг перед своим народом в сохранении и развитии культуры и языка своих предков.

На первом этапе, как показывает материал нашей статьи, мы рассмотрели только тематический репертуар лириков и нашли, что его основной мотив – это любовь к Родине – большой России и малой родине, родине своих предков, говорящих на дорогом сердцу поэта наречии.

Сохранить и приумножить богатства родного края, культуры и языка, передать этот клад будущему поколению – основной мотив билингвального творчества национальных поэтов Карелии.

Kaikuččel – ičeze mägi,
Kaikuččel – ičeze koum...
Tähthaižen homencel nägen,
Dengoid vöi kormanas om.
[Абрамов, 2005. С. 6]

Каждому – вера и слово,
Каждому – посох и путь.
Вспомни родных своих снова.
Дом и язык не забудь.
[авторизованный перевод Н. Абрамова]

Литература

Абашев В., Абашева М. Уральская словесность в культурном ландшафте: виды, перспективы, границы // Вопросы литературы. 2014. № 1. С. 369–375.

Абрамов Н. Поговорим, брат. Петрозаводск: Периодика, 2005. 107 с.

Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии. СПб.: Наука, 1997. 244 с.

Волков А. Iguine tuli=Вечный огонь. Petrozavodsk: Периодика, 2000.

Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Сов. писатель, 1988.

Дюжев Ю. И. История русской поэзии и драматургии Европейского Севера первой половины XX века. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002а. 230 с.

References

Abashev V., Abasheva M. Ural'skaya slovesnost' v kul'turnom landshafte: vidy, perspektivy, granitsy [Ural literature in the cultural landscape: types, perspectives and boundaries]. *Voprosy literatury* [Literary issues]. 2014. No 1. P. 369–375

Abramov N. Pogovorim, brat [Let's have a talk, brother]. Petrozavodsk: Periodika, 2005. 107 p.

Alto E. L. Finnoyazychnaya literatura Karelii [Finnish literature of Karelia]. St. Petersburg: Nauka, 1997. 244 p.

Chikina N. V. Sovremennoe sostoyanie literatury na karel'skom yazyke [Modern state of Karelian literature]. Petrozavodsk: KarRC of RAS, 2011. 120 p.

Дюжев Ю. И. История русской прозы Европейского Севера первой половины XX века. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002б. 240 с.

Дюжев Ю. И. История русской прозы Европейского Севера второй половины XX века: в 2 т. Петрозаводск, 2008. Т. 2. 390 с.

Зайцева Н. Г. Вепсская литература 1990-х годов // История литературы Карелии: в 3 т. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. Т. 3. С. 420–432.

История литературы Карелии: в 3 т. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2000. Т. 3. 456 с.

История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. // Языки славянск. культуры. М., 2012. 608 с.

Карху Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении // История литературы Карелии. СПб.: Наука, 1994. Т. 1. 239 с.

Карху Э. Г. Послесловие к «Истории литературы Карелии»: в 3-х томах // История литературы Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. Т. 3. С. 433–444.

Мишин А. Тревожность: стихи. Петрозаводск: Карелия, 1978. 119 с.

Мишин О. Сквозь ливни и метели: стихи, поэмы, 1954–2004. Петрозаводск: Карелия, 2004. 487 с.

Опыт билингвизма в творчестве карельских писателей / Мишин А. И. Общая характеристика; Маркова Е. И. Олег Мишин (Армас Хийри); Савкина И. Л. И. М. Петров (Тойво Вякя) (1901–1984) // История литературы Карелии: в 3 т. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2000. Т. 3. С. 361–388.

Чикина Н. В. Современное состояние литературы на карельском языке. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 120 с.

Шмидт В. История литературы с точки зрения нарратологии // Вопросы литературы. 2012. № 5. С. 157–174.

Hiiri A. Ikkunani katsoo maailmaan: runoja. Petroskoi: Karjala, 1976. 95 s.

Hiiri A. Inkeriläisen laulu: runoja, runoelma. Petroskoi: Verso, 1995. 127 s.

Hiiri A. Pihlajainen kotimaa: runoja, suomennoksia, muistelmia. Petroskoi: Periodika, 2008. 205 s.

Поступила в редакцию 25.03.2015

Gachev G. D. Natsional'nye obrazy mira [National images of the world]. Moscow: Sov. pisatel', 1988.

Istoriya literatury Karelii v 3 t [The history of Karelian literature in 3 vols.]. Petrozavodsk: KRC of RAS, 2000. Vol. 3. 456 p.

Istoriya literatury Urala. Konets XIV – XVIII v. [A history of Ural literature. Late 14th – 18th century]. *Yazyki slavyan. kul'tury* [Languages of Slavic Culture]. Moscow, 2012. 608 p.

Karkhu E. G. Karel'skii i ingermanlandskii fol'klor v istoricheskom osveshchenii [Karelian and Ingerman folklore in the historical perspective]. *Istoriya literatury Karelii* [The history of the literature of Karelia]. St. Petersburg: Nauka, 1994. Vol. 1. 239 p.

Karkhu E. G. Posleslovie k «Istorii literatury Karelii» v 3-kh tomakh [The epilogue to «The history of Karelian literature» in 3 vols.]. *Istoriya literatury Karelii* [The history of Karelian literature]. Petrozavodsk: KarRS of RAS, 2000. Vol. 3. P. 433–444.

Mishin A. Trevozhnost': stikhi [Anxiety: poems]. Petrozavodsk: Kareliya, 1978. 119 p.

Mishin O. Skvoz' livni i meteli: stikhi, poemy, 1954–2004 [Through rainfalls and snowstorms: verses and poems, 1954–2004]. Petrozavodsk: Kareliya, 2004. 487 p.

Opyt bilingvizma v tvorchestve karel'skikh pisatelei. *Mishin A. I.* Obshchaya kharakteristika; *Markova E. I.*

Oleg Mishin (Armas Khiiri); Savkina I. L. I. M. Petrov (Toivo Vyakhya) (1901–1984) [Bilingual experience in the works of Karelian writers. *Mishin A. I.* General characteristics; *Markova E. I.* Oleg Mishin (Armas Khiiri); *Savkina I. L. I. M. Petrov (Toivo Vyakhya) (1901–1984)*]. *Istoriya literatury Karelii v 3 t* [The history of Karelian literature in 3 vols.]. Petrozavodsk: KarRS of RAS, 2000. Vol. 3. P. 361–388.

Shmidt V. Istoriya literatury s tochki zreniya narratologii [History of literature from the narratological point of view]. *Voprosy literatury* [Literary issues]. 2012. No 5. P. 157–174.

Volkov A. Iguine tuli=Vechnyi ogon' [Eternal fire]. Petrozavodsk: Periodika, 2000.

Zaitseva N. G. Vepsskaya literatura 1990-kh godov [Vepsian literature of the 1990's]. *Istoriya literatury Karelii: v 3 t.* [The history of Karelian literature in 3 vols.]. Petrozavodsk: KarRS of RAS, 2000. Vol. 3. P. 420–432.

Hiiri A. Ikkunani katsoo maailmaan: runoja. Petroskoi: Karjala, 1976. 95 s.

Hiiri A. Inkeriläisen laulu: runoja, runoelma. Petroskoi: Verso, 1995. 127 s.

Hiiri A. Pihlajainen kotimaa: runoja, suomennoksia, muistelmia. Petroskoi: Periodika, 2008. 205 s.

Received March 25, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Казакова Мария Владимировна

преподаватель
Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: mvk-2013@bk.ru
тел.: 89214595529

CONTRIBUTOR:

Kazakova, Maria

Petrozavodsk State University
33 Lenin Av., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: mvk-2013@bk.ru
tel.: 89214595529